ЛБ5 506

НОВОРОССІЙСКІЕ ДРАГУНЫ

ПРЕДЪ

ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II.

ОЧЕРКЪ И ВОСПОМИНАНІЯ

К. К. ДЕТЛОВА.

Оттиски изъ историческаго журнала „Русская Старина“, изд. 1883 г., т. XXXVIII, апрѣль.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія Т-ва „Печатня С. П. ЯКОВЛЕВА“, Золотоворотская, № 11.
1903

Л55 506

НОВОРОССІЙСКІЕ ДРАГУНЫ

ПРЕДЪ

ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II.

ОЧЕРКЪ И ВОСПОМИНАНІЯ

К. К. ДЕТЛОВА.

Оттиски изъ историческаго журнала „Русская Старина“, изд. 1883 г., т. XXXVIII, апрѣль.

КІЕВЪ.
Типо-Литографія Т-ва **„Печатня С. П. Яковлева“**, Золотоворотская, № 11.
1903

Дозволено цензурою. Кіевъ, 2-го апрѣля 1903 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
773642

НОВОРОССІЙСКІЕ ДРАГУНЫ

ПРЕДЪ

ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II.

Насъ вдохновитъ-ли слава громкихъ дѣлъ?
Мы скажемъ-ли прошедшему: „воскресни!“
А. де-Мюссе.

I.

Царскій смотръ — это эпоха въ жизни армейскаго полка, отъ которой въ немъ ведется лѣтосчисленіе. Варшавскіе смотры 1858 и 1859 годовъ, въ которыхъ Новороссійскій драгунскій полкъ принималъ очень видное участіе, имѣли политическое значеніе, котораго я, однако, касаться не буду, а ограничусь простымъ изложеніемъ фактовъ, коихъ, отчасти, былъ очевидцемъ. Представляя читателямъ „Русской Старины“ этотъ разсказъ, я руководствовался убѣжденіемъ, что все касающееся покойнаго государя заслуживаетъ быть записаннымъ, что всякая, даже мелкая черта, могущая придать лишній блескъ его благородной личности, должна быть сообщена современникамъ и будетъ интересовать потомковъ. Кромѣ того, одинъ изъ смотровъ, послѣдній, сдѣланный покойнымъ государемъ новороссійцамъ, — былъ смотръ для армейскаго полка совершенно исключительнымъ. Чтобы послѣдующій разсказъ сталъ понятнымъ, я долженъ предварительно вкратцѣ познакомить читателя съ предшествовавшею смотрамъ исторіею полка и съ тогдашнимъ его командиромъ, полковникомъ К. К. Шульцемъ.

Новороссійскій драгунскій полкъ принадлежитъ къ сравнительно молодымъ, но тѣмъ не менѣе славнѣйшимъ полкамъ нашей кавалеріи. Сформированный въ 1803 г. графомъ

Сиверсомъ, онъ началъ боевую службу въ 1807 г. въ Польшѣ, противъ французовъ; въ 1809 г. полкъ занималъ Краковъ, 24 и 26 августа 1812 г. произвелъ цѣлый рядъ блестящихъ атакъ подъ Бородиномъ и взялъ двѣ французскихъ батареи, которыхъ, впрочемъ, не могъ увезти. Однихъ убитыхъ было 103, раненыхъ, вѣроятно, вдвое, такъ что, половина всего полка выбыла изъ строя за эти 2 дня. Затѣмъ подъ командою то Милорадовича, то Платова, Новороссійцы участвовали въ сраженіяхъ подъ Вязьмою и Смоленскомъ. При окончаніи отечественной войны полкъ состоялъ изъ трехъ слабыхъ эскадроновъ. Половина лошадей погибла въ сраженіяхъ и отъ изнуренія.

Въ мартѣ 1813 г. новороссійцы занимали, въ отрядѣ Панчулидзева,—Дрезденъ; въ апрѣлѣ—Лейпцигъ; довершили 20 апрѣля пораженіе французовъ подъ Люценомъ, но потеряли своего командира, полк. Теренина, убитаго во время атаки. 8-го и 9-го мая они сражались подъ Бауценомъ, опрокинули и разсѣяли два полка французской гвардейской кавалеріи. 10 мая вновь сраженіе, подъ Рейхенбахомъ, гдѣ раненъ и новый командиръ полка, славный храбростью Боргграфъ. Затѣмъ, послѣ ряда сравнительно мелкихъ дѣлъ подъ Лобау, Гохъ-Кирхеномъ, Нидеръ-Пуцкау и Дембинѣ,—новороссійцы производятъ нѣсколько блестящихъ, но кровавыхъ атакъ 4 и 6 октября подъ Лейпцигомъ, гдѣ тяжело ранены маіоры Якимахъ и Станиковичъ, командиры эскадроновъ.

29 декабря новороссійцы, въ отрядѣ генерала Бороздина, занимаютъ уже Майнцъ и 8 января 1814 г. подходятъ къ Мецу. Въ мартѣ, подъ Феръ-Шампенуазомъ,—двѣ неудачныхъ атаки; но поддержанные во-время конною батареею, новороссійцы и каргопольцы вновь несутся въ атаку на глазахъ государя: одна французская колонна кладетъ передъ ними оружіе, другая изрублена, взято 7 орудій... Государь лично благодаритъ полки на полѣ сраженія.

И вотъ новороссійцы въ Парижѣ: бивуакъ ихъ между Монмартромъ и Булонскимъ лѣсомъ. Полкъ щеголяетъ обмундированіемъ и лошадьми. Въ полковомъ архивѣ сохранился приказъ начальника кавалеріи, генерала-адъютанта барона Корфа, гдѣ объявляется благодарность полку и командиру за то, что несмотря на всѣ трудности трехъ-лѣтней постоянной боевой

службы „вступили въ Парижъ, сохранивъ чистоту, порядокъ, устройство и обмундировку нижнихъ чиновъ", а главное—„за хорошее содержаніе лошадей, чѣмъ полкъ этотъ отличается отъ прочихъ".

Въ маѣ 1814 г.—обратный походъ въ Россію, къ Вильнѣ. На поляхъ Германіи и Франціи новороссійцы похоронили, павшими въ бояхъ, 13 офицеровъ, 71 солдата и 223 лошади. Для полка, состоявшаго изъ 3-хъ эскадроновъ, это потеря громадная.

26 іюля 1815 г. новороссійцы опять въ Дрезденѣ, по случаю возвращенія Наполеона съ Эльбы. Но сраженіе при Ватерлоо сдѣлало дальнѣйшее движеніе излишнимъ и 15 августа они выступаютъ обратно, къ Новогрудку.

Въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ новороссійцы имѣли 3 крупныхъ дѣла; два подъ Калафатомъ, 26 іюня и 12 іюля 1828 г., и одно, самое блестящее, подъ Баялештомъ, подъ командою извѣстнаго Гейсмара, 14 сентября того-же года. За послѣднее полку пожалована на киверѣ надпись: „за отличіе".

Въ польскую войну 1831 г. новороссійцы уничтожаютъ 7 іюня, въ отрядѣ генерала Ридигера, подъ Будзиско, два батальона польской пѣхоты. 28 іюля они терпятъ пораженіе подъ Ильжей, отъ Рожицкаго, причемъ теряютъ до 100 человѣкъ убитыми и раненными и 61 лошадь. Но 30 августа, въ свою очередь, разбиваютъ его. 17 сентября 1831 г. новороссійцы опять занимаютъ Краковъ. Польская армія, разбитая и деморализованная, переходитъ границу и кладетъ оружіе: новороссійцы берутъ въ эти дни болѣе 3000 человѣкъ плѣнныхъ.

Въ 1849 году полкъ въ Венгріи,—но шашекъ не пришлось ему обнажить.

Въ самомъ началѣ войны 1853—56 годовъ полкъ перешелъ изъ г. Бирюча, Воронежской губерніи, гдѣ долго квартировалъ, на кавказско-турецкую границу. При перевалѣ черезъ кавказскій хребетъ, полкъ, около станціи Семеновой-Сакли, имѣлъ несчастье попасть, 11 марта 1854 г. подъ снѣжный завалъ, причемъ погибло 11 человѣкъ и 30 лошадей. Придя въ Александрополь, онъ вошелъ въ составъ главнаго отряда, дѣйствовавшаго противъ Карса, и принялъ бли-

стательное участіе въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи 24 іюля 1854 г. Это сраженіе, сразу рѣшившее кампанію 1854 г., гдѣ 17,000 русскихъ разбили на голову 60,000 турокъ, гораздо лучше вооруженныхъ,—еще ожидаетъ историка. Трудъ его будетъ не легкій: дѣйствія нашихъ войскъ не укладываются, въ этомъ случаѣ, въ условныя рамки. Не только не было общаго плана, но и распоряженія начальниковъ приходили не всегда во-время; а между тѣмъ войска свое дѣло дѣлали и дѣлали его славно, не мудрствуя лукаво: гдѣ нужно было стоять—стояли и ихъ живую стѣну можно было, пожалуй, свалить, но никакъ не отодвинуть вспять; гдѣ нужно было идти впередъ—тамъ шли и, не считая враговъ, ломали все, что попадалось навстрѣчу. Никакихъ резервовъ и вторыхъ линій у насъ не было, бились на чистоту, „безъ задней помощи и мысли“, по кавказски,—и побили турокъ на славу! Это было высшее торжество человѣческаго духа, проявленіе той страшной нравственной силы, которою побѣждали Румянцевъ и Суворовъ. Башъ-Кадыкъ-Ларъ и Курюкъ-Дара,—это Кагулъ и Рымникъ нашего времени!

Въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи новороссійцы дѣйствовали не цѣлымъ полкомъ, имѣвшимъ въ то время 10 эскадроновъ, т. е. около 1300 коней. Два эскадрона стояли на правомъ флангѣ и имѣли случай выручить генерала Ганецкаго, которому съ ряжскимъ полкомъ приходилось плохо. Остальные 8 эскадроновъ были, частью въ центрѣ позиціи, частью на лѣвомъ флангѣ, и когда знаменитая атака эриванцевъ и грузинцевъ, подготовленная артиллеріей генерала Бриммера, прорвала центръ турокъ и заставила ихъ начать отступленіе, то благодаря главнымъ образомъ, новороссійцамъ, это отступленіе перешло въ безпорядочное бѣгство. Полку досталось 4 орудія, знамена и до 1000 плѣнныхъ. Потери его состояли изъ 2-хъ убитыхъ офицеровъ, 27 нижнихъ чиновъ и 114 лошадей; раненыхъ было 81 человѣкъ,—потери небольшія въ сравненіи съ пріобрѣтенными трофеями. Въ 1855 г. началось обложеніе, неудачный штурмъ Карса 17 сентября и наконецъ сдача Карса. Все это время новороссійцы несли тяжелую аванпостную службу, а въ іюлѣ переходили, въ отрядѣ Бакланова, Саганъ-Лугскій хребетъ, доходили до городка Гасанъ-Кала, но крупныхъ дѣлъ не имѣли.

Послѣ сдачи Карса дѣйствовавшій противъ него отрядъ былъ распущенъ на зимнія квартиры. Новороссійцы стояли въ духоборскихъ деревняхъ, раскинутыхъ вдоль границы.

II.

8-го января 1856 г. командиромъ новороссійцевъ, вмѣсто генерала Танутрова, былъ назначенъ полковникъ Нижегородскаго драгунскаго полка Карлъ Карловичъ Шульцъ, сынъ подполковника Карла Федоровича Шульца, отличившагося, подъ начальствомъ Суворова, при взятіи Праги и получившаго изъ рукъ великаго полководца Георгіевскій крестъ. Карлъ Карловичъ началъ службу въ 1832 году въ Сѣверскомъ конно-егерскомъ полку. Въ 1833 г. онъ былъ переведенъ въ Московскій драгунскій полкъ, а въ 1845 г., уже капитаномъ, повелъ эскадронъ на Кавказъ для усиленія извѣстнаго Нижегородскаго драгунскаго полка, который до 1845 г. состоялъ только изъ 6-ти дѣйствующихъ эскадроновъ. Императоръ Николай приказалъ прибавить къ нему 4 эскадрона и назначилъ для этого лошадей расформированнаго въ Чугуевѣ въ то время Уфимскаго казачьяго полка [1]). Люди были назначены изъ всего тогдашняго драгунскаго корпуса.

Нижегородскіе драгуны имѣли свою штабъ-квартиру въ Чиръ-Юртѣ, на Сулакѣ, на рубежѣ нашихъ тогдашнихъ владѣній. Началась тревожная боевая жизнь, прекратившаяся только въ 1856 г. Изъ крупныхъ военныхъ дѣйствій, съ которыми связано имя К. К. Шульца, отмѣтимъ: взятіе Гергебиля и освобожденіе Ахтовъ въ 1849 г. (чинъ маіора и Владиміръ 4-й степ.), а въ 1851 г.—зимнюю экспедицію въ Большую Чечню (чинъ подполковника). Въ 1853 г., еще до начала войны, нижегородцы перешли въ Закавказье и 19-го ноября много содѣйствовали Башъ-Кадыкъ-Ларской побѣдѣ. К. К. Шульцъ командовалъ тогда 4-мъ дивизіономъ и произведенъ въ полковники. Въ іюлѣ 1854 г. побѣда подъ Курюкъ-Дара очень дорого обошлась нижегородцамъ, которымъ при-

---

[1]) Это былъ единственный въ своемъ родѣ казачій полкъ, набранный изъ рекрутъ, а не изъ казаковъ. К. Д.

шлось безпрерывными атаками отбить захваченныя турецкою пѣхотою 2 орудія казачьей батареи Кульгачева. При этомъ выбыло изъ строя половина офицеровъ и до 300 рядовыхъ, такъ сказать, безъ пользы для общаго хода сраженія. Въ числѣ раненыхъ были полковникъ князь Алекс. Мих. Дондуковъ-Корсаковъ, нынѣшній кавказскій намѣстникъ, получившій рану въ лѣвую руку, и полковникъ К. К. Шульцъ, раненый пулею въ лѣвый високъ. Пуля засѣла у него около уха и послѣ операціи рана не заживала около 4-хъ мѣсяцевъ.

Въ 1855 г., во время блокады Карса, генералъ Муравьевъ (главнокомандующій), лично знавшій К. К. Шульца, довѣрилъ ему отдѣльный наблюдательный отрядъ, состоявшій изъ батальона пѣхоты и 11 сотенъ казаковъ и милиціи. Этому отряду, въ ночь на 22-е августа, удалось разсѣять турецкую кавалерію, когда она пыталась прорваться изъ Карса. Полковникъ Шульцъ былъ награжденъ золотою саблею. 16-го ноября 1855 г. Карсъ капитулировалъ, а 8-го января 1856 г., какъ мы уже сказали, К. К. Шульцъ назначенъ былъ командиромъ Новороссійскаго полка, которому однако не пришлось сражаться подъ его начальствомъ, такъ какъ уже въ мартѣ 1856 г. былъ заключенъ миръ. Вслѣдъ затѣмъ рѣшено было образовать кавказскую драгунскую дивизію; она составилась изъ двухъ старыхъ полковъ (Нижегородскаго и Тверскаго) и двухъ вновь сформированныхъ (Сѣверскаго и Переяславскаго). Послѣднимъ новороссійцы сдали всѣхъ своихъ лошадей и больше половины людей. Дѣйствія этихъ молодыхъ полковъ въ войну 1877—1878 годовъ показали, что къ нимъ перешелъ и старый духъ полка-отца. Отъ новороссійцевъ тогда остались только кадры,—32 офицера и 413 нижнихъ чиновъ, которые выступили обратно въ Россію 20-го октября 1856 г. изъ лагеря на Лорійской степи, близъ укрѣпленія Каменки (Джеланъ-Оглы). Прощаніе было трогательное; много пролито слезъ, еще больше выпито вина. Угощали новые переяславцы старыхъ новороссійцевъ, затѣмъ новороссійцы — переяславцевъ, затѣмъ, тѣ и другіе—сѣверцевъ,—словомъ, попойкамъ какъ офицерскимъ, такъ и солдатскимъ не было конца. Прошли новороссійцы пѣшкомъ все Закавказье, перевалили черезъ горы, прошли Ставропольскія, Донскія и Украинскія

степи въ суровое зимнее время и вступили 30-го января 1857 г., въ томъ же составѣ, въ гор. Корочу, Курской губерніи, гдѣ должны были получить лошадей, сѣдла и людей изъ расформированныхъ резервовъ. 413 человѣкъ вышли съ азіатской границы въ самое неблагопріятное для похода время, и 413 вступили черезъ 102 дня въ Корочу,—не было ни больныхъ, ни отсталыхъ [1]), благодаря полушубкамъ, большимъ сапогамъ, теплымъ шапкамъ и хорошей пищѣ,—все это на личныя средства полковника. Эти 413 человѣкъ были великолѣпный кадръ: до 60 георгіевскихъ кавалеровъ, отличный хоръ трубачей, отличные закаленные войною люди, набравшіеся за три года извѣстнаго кавказскаго духа, гдѣ воевать значило побѣждать. Въ два мѣсяца полкъ былъ окончательно сформированъ въ Корочѣ, сидѣлъ на хорошихъ, но мало выѣзженныхъ коняхъ и опять пошелъ въ походъ, поперекъ всей южной Россіи въ м. Менджибожъ, Подольской губ., куда вступилъ въ іюнѣ.

Едва новороссійцы, отбывъ лагерную стоянку, расположились въ окрестныхъ деревняхъ (военныя поселенія) на зимнія квартиры, какъ получилось извѣстіе, что Государю угодно, чтобы драгунскіе полки: Новороссійскій и Украинскій были отправлены въ Варшаву на предстоявшіе тамъ въ 1857 г. смотры. Напрасно корпусный командиръ, старикъ баронъ Офенбергъ, помѣшавшійся на тонкостяхъ манежной выѣздки, писалъ военному министру, что оба эти полка, едва сформированные, нуждаются еще въ усиленныхъ занятіяхъ, и предлагалъ въ замѣну ихъ послать бригаду уланъ или гусаръ. Изъ министерства получился отвѣтъ, что Государю угодно видѣть въ Варшавѣ именно драгунъ.

Ранней весной (1857 г.), едва сошелъ снѣгъ, новороссійцы двинулись въ путь, но въ Дубнѣ были остановлены на полтора мѣсяца и только въ іюлѣ вступили въ Варшаву. Пріѣздъ Государя почему-то замедлился и совершился наконецъ 11-го сентября 1857 г. Въ то же время пріѣхали принцъ-регентъ

---

[1]) Событіе небывалое, а между тѣмъ оно осталось незамѣченнымъ даже ближайшимъ начальствомъ; никто не сказалъ „спасибо“ ни полковому командиру, подготовившему все къ этому походу, ни людямъ, совершившимъ его такъ молодецки, исключая, впрочемъ, простаго, но задушевнаго и доступнаго солдату приказа по полку, отданнаго самимъ командиромъ. К. Д.

прусскій, нынѣшній императоръ германскій, принцъ Наполеонъ и нѣсколько германскихъ герцоговъ. 13-го сентября былъ назначенъ общій парадъ всѣмъ войскамъ, собраннымъ въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ, всего до 50,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 4 кавалерійскихъ полка (кромѣ 2-хъ драгунскихъ—еще уланскіе: С.-Петербургскій и Курляндскій). Рано утромъ пришли новороссійцы на огромное Повонзковское поле и заняли указанное имъ мѣсто, готовясь въ первый разъ предстать передъ своимъ монархомъ. Былъ ясный теплый осенній день. Высшее начальство суетилось, ровняло, просило, вообще стало очень мягкимъ. Николаевская смотровая лихорадка, особая болѣзнь, воспѣтая Федотовымъ въ его „Маіорѣ“, трепала многихъ ремешковыхъ генераловъ, особенно, когда разнесся слухъ, что дѣлая за нѣсколько дней передъ тѣмъ смотръ въ Ковнѣ, Государь остался очень недоволенъ и прогналъ съ плаца нѣсколько кавалерійскихъ полковъ. Но новороссійцы были увѣрены, что помня Кавказъ, Государь будетъ снисходителенъ къ мелкимъ неудачамъ въ равненіи. Впрочемъ, въ теченіе цѣлаго года, полкъ усиленно учился и не уступалъ другимъ ни въ чемъ, а хозяйственная часть его, пожалуй, была лучше. Спокойный, веселый и самоувѣренный видъ полковника Шульца, естественно, благопріятно отражался и на его полкѣ. Онъ имѣлъ даръ учить свой полкъ, не утомляя его, не мучилъ „ученіемъ“, хотя твердо вѣрилъ въ справедливость Суворовскаго афоризма: „за одного ученаго трехъ неученыхъ даютъ,—намъ мало трехъ, давай намъ шесть, давай намъ десять за одного“. Кромѣ того Шульцъ былъ человѣкъ уже новаго вѣянія:

И не безславилъ сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача.

Вспомнимъ, что это было въ 1858-мъ году, когда раны, нанесенныя Россіи крымскою войною, были еще совершенно свѣжи.

Государь показывалъ свои полки иностранцамъ, пріѣхавшимъ въ Варшаву его привѣтствовать, не для праздняго развлеченія, а чтобы убѣдить ихъ, что мечъ Россіи вновь отостренъ, что „Севастопольскіе кони отдохнули“. Въ это

фактически еще столь близкое и исторически уже отдаленное намъ время,—еще вспомнились стихи Ѳ. Чернышева, изъ его прелестной „Солдатской сказки“ [1]):

Но политику храня,
Русскій Царь смотрѣлъ безъ смѣху
На нѣмецкаго царя.

Вспомнимъ, что это было незабвенное для насъ время возрожденія, когда побѣжденный народъ и подписавшій Парижскій миръ Государь были сильны вѣрою другъ въ друга и надеждою на лучшіе, свѣтлые дни; когда Государь уже твердо велъ Россію къ „волѣ“, когда подлая пуля Каракозова еще не раздваивала его съ интелигенціей, когда все молодое, честное и разумное жило и дышало полною грудью, потому что надѣялось и видѣло будущность. Да, не смотря на Крымскій погромъ и Парижскій миръ, не только мы, носившіе военный мундиръ, но и всѣ

Мы вѣрили тогда: сильна страна родная
И Русскій Царь великъ!

Солдаты и мы, офицеры, нетерпѣливо, радостно ждали молодого Царя. Вотъ онъ, наконецъ, на рослой гнѣдой лошади, окруженный огромной пестрой свитой, началъ, съ обычною торжественностью, объѣздъ войскъ. Рядомъ съ Государемъ ѣхалъ его дядя, нынѣшній германскій императоръ. Затѣмъ,—церемоніальный маршъ.

Когда прошла пѣхота съ своей артиллеріей и во главѣ кавалеріи показался вороной эскадронъ Новороссійскаго полка, Государь обращаясь къ свитѣ, сказалъ:

— „Вотъ идутъ мои кавказцы!“

Передъ полкомъ ѣхалъ командиръ его, К. К. Шульцъ, рѣзко выдѣляясь отъ строя, блестѣвшаго касками, своею скромною фуражкою съ голубымъ околышкомъ, которою прикрывалась раненая голова его. Полкъ, по эскадронно, шагомъ, прошелъ хорошо. Государь благодарилъ каждый эскадронъ и,

---

[1]) Впервые явилась эта сказка въ печати только на страницахъ „Русской Старины“ изд. 1872 г. (изданіе второе), т. V, іюнь, стр. 967—980. Шутка-поэма П. А. Ѳедотова: „Маіоръ“ также цѣликомъ напечатана впервые въ „Русской Старинѣ“, изд. 1872 г., т. V, стр. 727 и проч. К. Д.

когда они всѣ прошли, окинулъ глазами свиту и громко спросилъ:

— „Кто командуетъ полкомъ?“

Шульцъ, стоявшій, согласно уставу, тутъ же, выдвинулся впередъ и отвѣтилъ:

— Полковникъ Шульцъ, Ваше Величество.

„Полкъ хорошъ, благодарю. Лѣвый флангъ 1-го эскадрона только немного заволновался... Отчего вы въ фуражкѣ,— ранены въ голову?“

— Точно такъ, Ваше Величество.

— „Саблею?“

— Пулею, Ваше Величество, въ лѣвый високъ.

— „Въ какомъ сраженіи?“

— Въ Курюкъ-Даринскомъ.

— „А-а!!“—сказалъ Государь и лицо его засіяло улыбкою. Онъ тотчасъ обратился къ принцу регенту и, представляя ему Шульца, объяснилъ по французски, гдѣ и какъ онъ раненъ. Принцъ любезно поклонился.

Когда парадъ кончился, Государь вызвалъ изъ фронта всѣхъ георгіевскихъ кавалеровъ, которыхъ въ Новороссійскомъ полку осталось около 40 человѣкъ. Государь объѣхалъ ряды кавалеровъ, благодарилъ за старую службу, а затѣмъ, обратившись къ однимъ Новороссійцамъ, сказалъ:

— „А за ваши кавказскія подвиги передаю вамъ послѣднее спасибо нашего покойнаго Государя. Только вы и радовали его своими побѣдами. Еще разъ благодарю васъ и за него, и за себя“ [1]).

17-го сентября были большіе маневры. Новороссійцы, назначенные въ отрядъ, наступавшій на Варшаву, двигались въ полковой колоннѣ, когда на холмѣ показался Государь съ принцемъ-регентомъ и свитой. Въ это же время стрѣлковый баталіонъ, изображавшій непріятеля, сталъ выходить изъ лѣса и открылъ по полку огонь. Новороссійцы, на глазахъ Государя, произвели нѣсколько примѣрныхъ атакъ, по эскадронно.

---

[1]) Приведенныя выраженія Государя отстенографировались въ памяти тѣхъ, къ кому онѣ обращались, навѣрно не хуже, чѣмъ это могъ бы сдѣлать карандашъ присяжнаго стенографа. Всѣ слова, съ которыми Государь относился къ К. К. Шульцу, были тогда же тщательно записаны имъ и мы воспользовались этой записью для настоящей статьи, съ его разрѣшенія.

Когда маневры кончились, Государь собралъ около себя генераловъ и полковыхъ командировъ. Передавая имъ свои замѣчанія онъ обратился къ полковнику Шульцу съ слѣдующими словами:

— „Вашъ полкъ атаковалъ превосходно, но останавливался слишкомъ далеко отъ пѣхоты... Впрочемъ, улыбаясь добавилъ Государь, мнѣ васъ не учить какъ вести атаку,— вы доказали на дѣлѣ, что умѣете атаковать пѣхоту".

Черезъ день послѣ маневровъ Государь произвелъ на Мокотовскомъ полѣ ученіе 4-мъ кавалерійскимъ полкамъ съ конною артиллеріею, во время котораго изъ Новороссійскаго полка былъ вызванъ имъ 2-й эскадронъ, капитана Фролова [2]). Эскадронъ лихо проскакалъ мимо Государя, по одному, съ рубкою шашками. Государь остался очень доволенъ ученіемъ, но особенно благодарилъ 2-й эскадронъ и Фролова. Въ тотъ же день всѣ четыре полковые командира были приглашены къ обѣду, въ Лазенковскій дворецъ. Послѣ стола обѣдавшіе перешли въ сосѣднюю залу. Государь, принцъ-регентъ прусскій и еще нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ уланскій полковникъ Гербель, стояли отдѣльною группою. Гербель бойко разсказывалъ что-то по нѣмецки. Государь улыбался, принцъ отъ души хохоталъ. Государь, окинувъ взглядомъ обширную залу, наполненную приглашенными, замѣтилъ полковника Шульца, стоявшаго въ противуположномъ концѣ, у дверей, и, не дослушавъ разсказа Гербеля, направился черезъ всю залу прямо къ нему.

— „Шульцъ, сказалъ Государь,—полкъ хорошъ, благодарю васъ за него. Но отчего такъ мало георгіевскихъ кавалеровъ?"

— Одни вышли въ отставку, другіе отпущены въ безсрочный отпускъ, Государь.

— „Но въ полку остался..." и Государь остановился, какъ бы подъискивая слово.

— Духъ прежній, Ваше Величество.

— „Да, да, я это именно и хотѣлъ спросить. Осталась ли въ полку прежняя молодецкая закваска?"

---

[1]) Въ настоящее время полковникъ Николай Степановичъ Фроловъ состоитъ на службѣ въ болгарской арміи. **К. Д.**

— За это я могу ручаться, Ваше Величество.

Государь, довольный отвѣтомъ, отошелъ и обратился къ командиру Украинскаго драгунскаго полка, Зенгеру.

III.

Въ іюлѣ 1859 г. Новороссійцы перешли изъ г. Краснослава, гдѣ простояли около 2-хъ мѣсяцевъ, въ Варшаву, для занятія коннаго караула на Саксонской площади и ночныхъ разъѣздовъ по городу. Полкъ расположился въ Лазенковскихъ казармахъ. Въ то же время, по слу́чаю австро-французской войны, онъ, въ числѣ прочихъ войскъ, стоявшихъ въ Польшѣ, былъ приведенъ на военное положеніе. Государь и въ этомъ году пріѣхалъ въ Варшаву въ первыхъ числахъ октября. Война между Франціею и Австріею только что окончилась.

Въ Варшаву явился австрійскій эрцъ-герцогъ и десятокъ разныхъ принцевъ. Сбора войскъ не было и Государь произвелъ 7-го октября, на Уяздовской площади, лежащей въ чертѣ города, только парадъ войскамъ, квартировавшимъ въ самой Варшавѣ. По окончаніи парада, Государь опять вызвалъ кавалеровъ, правый флангъ которыхъ составили Новороссійцы. Государь, подъѣхавъ къ нимъ, остановился противъ полковника Шульца и, обратясь къ иностраннымъ принцамъ, громко сказалъ по французски:

— „Рекомендую вамъ, господа, полковника Шульца, который раненъ въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи пулею въ лѣвый високъ“. Затѣмъ, обращаясь къ Шульцу, добавилъ по русски: „Такъ, Шульцъ, въ лѣвый високъ?“

— Въ лѣвый, В. В.

— „Не забылъ!“ улыбаясь сказалъ Государь и сдѣлалъ милостивый жестъ рукою. Черезъ день во дворцѣ намѣстника князя Горчакова былъ большой раутъ. Съѣхалась польская знать, вся администрація, всѣ принцы съ ихъ свитами, масса военныхъ. Государь былъ въ отличномъ расположеніи духа, очень заинтересовался живыми картинами и заставилъ принимавшую въ нихъ участіе молодежь обоего пола танцовать въ тѣхъ-же костюмахъ, въ которыхъ они были на сценѣ.

Гуляя по залѣ, Государь замѣтилъ въ толпѣ полковника Шульца, который стоялъ, случайно, рядомъ съ генераломъ

Фарафонтовымъ, и тотчасъ направился къ нимъ. Почтительно разступилась передъ нимъ толпа. Всѣ взоры обратились на тѣхъ, кого Государь удостоилъ своимъ особымъ вниманіемъ.

— „Что вы такъ блѣдны и худы, генералъ,—больны?“—ласково обратился Государь къ Фарафонтову.

— Боленъ, В. В.

— „Отчего-же не лечитесь?“

— Лечился, но не помогаетъ.

— „Отчего за границу не ѣдете, на воды?“

— Средства не позволяютъ, В. В.

— „Поѣзжайте, я вамъ дамъ средства. Затѣмъ, обращаясь къ Шульцу, Государь уже серьезнымъ тономъ спросилъ:

— „Учатся хорошо?“

— Учились, В. В.

— „Ошибокъ не будетъ?“

— Постараемся, Государь.

— „Ну, Шульцъ, смотрите, чтобы ошибокъ не было, завтра я смотрю въ пѣхотѣ стрѣльбу. Вы выведете полкъ на коняхъ, спѣшите его, и будете стрѣлять вмѣстѣ съ пѣхотой. Потомъ посадите полкъ, мишени уберутъ и я сдѣлаю вамъ ученье. Смотрите-же, чтобы ошибокъ не было,—а то я хочу похвастать вами вотъ передъ этими“... и Государь указалъ большимъ пальцемъ на одного изъ вальсировавшихъ нѣмецкихъ принцевъ.

Шульцъ, разумѣется, тотчасъ передалъ разговоръ генералу Коцебу, начальнику штаба.

— Пойдемте, намъ нужно сообщить это князю Горчакову, сказалъ генералъ Коцебу, и когда передалъ намѣстнику слова Государя, то князь видимо встревожился и обратился къ Шульцу съ тѣмъ же вопросомъ:

— „А что, полковникъ, ошибокъ не будетъ?“

— Не будетъ, ваше сіятельство, будутъ учиться хорошо, превосходно,—я ручаюсь.

— „Спасибо, голубчикъ мой, я зналъ, что ты меня, старика, успокоишь“.

Полковникъ Шульцъ уѣхалъ съ бала, чтобы сдѣлать всѣ распоряженія къ предстоявшему на утро смотру. Но ночью-же былъ полученъ новый приказъ. Государь отмѣнилъ смотръ стрѣльбы: назначался смотръ только Новороссійцамъ. Не-

вольно задумался Шульцъ, читая этотъ приказъ. Сердце его, закаленное жизнью и Кавказскою боевой службой, не было доступно чувству смущенія или робости. Но тутъ, когда, такъ неожиданно, Новороссійскому полку пришлось быть представителемъ всей русской арміи, когда всякая случайная неудача въ родѣ дурного ровненія, невѣрной передачи сигнала, или ошибки въ командѣ одного изъ эскадронныхъ командировъ,— могла вызвать неудовольствіе столь милостиваго доселѣ монарха и насмѣшки иностранцевъ, тутъ невольно, вмѣсто отдыха и сна, полковникъ проходилъ часа два по комнатѣ, крутя длинные, сѣдые усы и выкуривая трубку за трубкой. Парадъ, въ которомъ принимаетъ участіе 30—40 тысячъ войскъ разнаго рода и обыкновенно ограничивающійся церемоніальными маршами,—это совсѣмъ не то, что ученіе, которое производится одному полку, четыремъ только эскадронамъ... А завтра, какъ на зло, понедѣльникъ, тяжелый день,— полковникъ вѣрилъ въ этотъ предразсудокъ.

Наступало утро 9-го октября 1859 г. Былъ немного пасмурный, но тихій и теплый осенній день. Новороссійцы, въ походной формѣ, въ 9 часовъ были уже на Мокотовскомъ полѣ. Это—обширная равнина, въ нѣсколько сотъ десятинъ, съ супесчаною почвою, покрытою травой, очень удобною для военныхъ упражненій, такъ какъ ни пыли, ни грязи на ней не бываетъ. Мокотовское поле прилегаетъ къ самой Варшавѣ, съ южной стороны; близъ него и Лазенковскій дворецъ, гдѣ останавливался Государь.

Полкъ сталъ лицемъ къ Мокотовскому шоссе, примѣрно въ верстѣ отъ города, въ полковой эскадронной колоннѣ. Рядомъ сталъ казачій конвой намѣстника.

Приближалось время, назначенное для смотра. Полкъ сѣлъ на коней. Полковникъ повѣрилъ равненіе эскадроновъ. Прошло около получаса томительнаго ожиданія. Наконецъ показалась группа всадниковъ и донеслись крики народа, привѣтствовавшаго Государя. Государь ѣхалъ шагомъ; около него былъ веймарскій герцогъ въ голубомъ гусарскомъ мундирѣ и австрійскій эрцъ-герцогъ. Остальная свита ѣхала сзади на нѣкоторомъ разстояніи и своими пестрыми, блестящими мун-

дирами составляла рѣзкій контрастъ съ темнымъ фронтомъ Новороссійцевъ, окаймленнымъ только бахромою мѣдныхъ касокъ.

Раздалась команда: „Смирно, сабли вонъ!“

Звякнула и блеснула сталь оружія. Затѣмъ полкъ замеръ. Смѣло можно сказать, что у всѣхъ 500 новороссійцевъ, въ эту минуту, была одна мысль: какъ бы угодить Государю и заслужить его спасибо.

Полковникъ, подпустивъ Государя шаговъ на 200, далъ шпоры своему „Барчуку“, очень эфектному, хотя и не породистому, вороному коню,—и понесся ему на встрѣчу.

Трубачи грянули полковой маршъ. Государь остановился. Шульцъ хотѣлъ подать ему рапортъ, но Государь указалъ головою на веймарскаго принца, который и принялъ рапортъ. Затѣмъ Государь галопомъ подъѣхалъ къ полку, поздоровался съ людьми, и, обратившись къ Шульцу, сказалъ:

— „Полкъ выровненъ хорошо. Вызовите впередъ 4-й эскадронъ“.

Эскадронъ выѣхалъ.

— „Справа по одному, на десять лошадей дистанціи, съ рубкою, въ карьеръ!“ скомандовалъ Государь,—и эскадронъ понесся.

Добрые, степные кони стлались, какъ говорится, по землѣ и приводили въ восторгъ нѣмцевъ, громко, несмотря на присутствіе монарха, выражавшихъ свое одобреніе. Но на несчастіе, а можетъ быть и намѣренно, Государь сталъ хотя на ровномъ мѣстѣ, но около довольно глубокой промоины, сдѣланной дождевою водою. Промоина эта не была замѣтна издали. Поэтому каждая лошадь, дѣлая на всемъ скоку прыжокъ черезъ нее, не всегда ожидаемый всадникомъ, заставила трехъ солдатъ потерять стремя, что не ушло отъ зоркаго глаза Государя. Когда въ нѣсколько минутъ эскадронъ кончилъ скачку и занялъ опять свое мѣсто въ колоннѣ, Государь сказалъ Шульцу:

„Эскадронъ скакалъ превосходно. Люди владѣютъ оружіемъ хорошо, но три человѣка потеряли стремя“.

Послѣ такого замѣчанія полковникъ не смѣлъ передать эскадрону похвалу Государя, который между тѣмъ обратился

къ линейнымъ казакамъ (конвою) и пропустилъ ихъ также мимо себя съ джигитовкою. Государь замѣтилъ деликатность Шульца и послалъ флигель-адъютанта, который передалъ 4-му эскадрону царское спасибо за скачку.

Казаки кончили джигитовку и были тотчасъ отпущены домой. Государь со всею свитой сталъ передъ Новороссійскимъ полкомъ и скомандовалъ:

— „Трубачи по мѣстамъ! Полкъ впередъ, равненіе на право, рысью—маршъ!“

Едва полкъ тронулся и прошелъ нѣсколько десятковъ саженей, какъ трубачъ Государя подалъ сигналъ: „строить фронтъ, въ карьеръ“,—другими словами изъ колонны перестроиться въ одну линію, для чего каждый эскадронъ долженъ, сдѣлавъ поворотъ, проскакать до того мѣста, противъ котораго онъ долженъ стоять въ развернутомъ фронтѣ, остановиться, повернуться и опять скакать пока не войдетъ въ линію главнаго эскадрона, который между тѣмъ все подвигается рысью впередъ. Построеніе очень сложное, затруднительное и утомительное для лошадей,—но тѣмъ не менѣе хорошо знакомое новороссійцамъ. И вотъ на глазахъ Государя, который со всею свитой подвигался вмѣстѣ съ полкомъ, впереди его, оно было продѣлано полкомъ какъ нельзя лучше, быстро, спокойно и ровно. Едва послѣдній 4-й эскадронъ прискакалъ на свое мѣсто въ фронтѣ и перешелъ въ рысь, трубачъ подалъ сигналъ: „въ галопъ!“

Полкъ сталъ подвигаться быстрѣе, но такъ-же ровно, безъ волненія, величественно и грозно, какъ живая стѣна.

Опять сигналъ: атака въ карьеръ!

Наклонились шашки, застонала земля подъ копытами коней, раздался русскій боевой кликъ: ура!!! И понеслась, по словамъ солдатской пѣсни,

Не туча громовая,
А драгунъ рядъ боевой,
То драгуны молодцы,
Новороссійцы удальцы!...

которыхъ въ ту минуту, будь это настоящій бой, могла остановить, безъ сомнѣнія, только смерть или увѣчье.

Раздался сигналъ: рысью!

Въ то же время Государь остановился, повернулъ своего коня назадъ и поѣхалъ на встрѣчу полку. Въ тотъ же моментъ сигналъ: стой!

Полкъ остановился какъ вкопанный. Государь въ это время уже находился въ интервалѣ между 3-мъ и 4-мъ эскадрономъ, посмотрѣлъ налѣво и направо и сказалъ, обращаясь къ своей свитѣ:

— „Полкъ выровненъ какъ для встрѣчи".

И дѣйствительно, не смотря на значительное разстояніе, быстро пройденное полкомъ, фронтъ его представлялъ математически правильную, прямую линію.

Полкъ стоялъ ровно и спокойно, какъ будто не двигался съ мѣста; слышно было только фырканье запыхавшихся коней и восклицанія свиты, на трехъ языкахъ:

— Ай да полкъ!

— Superbe! Superbe! Magnifique!

— Ну, Шульцъ, молодецъ!

— Ich habe nichts besseres gesehen! и т. д.

Государь сіялъ. Повысся свой прекрасный, мягкій голосъ, онъ сказалъ:

— „Славно! Молодцы драгуны?"

Опять дрогнулъ воздухъ, но это былъ уже другой кликъ, — восторга и, если хотите, побѣды. Положить на ноты его нельзя, еще менѣе поддается онъ описанію. Чтобы узнать какими звуками отзывается душа простого русскаго человѣка на ласку своего царя, надо имѣть честь стоять въ такую минуту передъ фронтомъ такого полка, какимъ былъ Новороссійскій.

Затѣмъ Государь сдѣлалъ полку еще нѣсколько построеній, большею частью въ карьеръ, спѣшилъ его, разсыпалъ стрѣлковую цѣпь, опять посадилъ и свернулъ въ колонну. Новороссійцамъ везло,—всѣ построенія дѣлались безукоризненно, спокойно, быстро, стройно. Государь былъ, видимо, не только доволенъ, а, если можно такъ выразиться въ восторгѣ отъ полка. Лицо его сіяло, свита продолжала хвалить.

Окончивъ собственно ученіе, Государь подозвалъ Шульца и сказалъ:

— „Шульцъ! Полкъ учился прекрасно. Я ожидалъ, что онъ будетъ хорошо учиться, но не ожидалъ, чтобы онъ такъ

учился. Спасибо!“ и Государь протянулъ руку, которую Шульцъ поцѣловалъ съ благоговѣніемъ.

Затѣмъ Государь, одинъ, безъ свиты, подъѣхалъ къ полку, благодарилъ людей и вызвалъ къ себѣ изъ фронта всѣхъ офицеровъ, ставшихъ около него полукругомъ.

— „Учились вы такъ хорошо, господа“, сказалъ Государь, „что я не могу сдѣлать ни одного замѣчанія. А знайте, что у меня ни одинъ гвардейскій полкъ ни разу еще не сходилъ съ плаца безъ этого. Я вами отмѣнно доволенъ и благодарю васъ. Кто командуетъ 4-мъ эскадрономъ?“

— Капитанъ Чутя [1]).

— „Спасибо, капитанъ, эскадронъ скакалъ славно... Но три человѣка все-таки потеряли стремена“... и Государь шутя погрозилъ ему пальцемъ. Затѣмъ вновь обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, Государь уже весело-шутливо прибавилъ:

— „Спасибо вамъ, господа, въ особенности за то, что не ударили въ грязь лицомъ передъ иностранцами... Да и задали-жъ мы сегодня этимъ колбасникамъ!!...“ И Государь указалъ глазами на стоявшую поодаль свиту и тронулся къ ней.

Быть можетъ не совсѣмъ дипломатическое, но, тѣмъ не менѣе, подлинное выраженіе. Всѣ его слышали.

Начался церемоніальный маршъ, по эскадронно, шагомъ, съ музыкой. Государь опять благодарилъ всякій эскадронъ отдѣльно и когда полкъ прошелъ, сказалъ иностраннымъ принцамъ:

— „Это тотъ полкъ, который славно сражался подъ Курюкъ-Дара, а вотъ генералъ, который водилъ его,—и указалъ

---

[1]) Капитанъ Николай Дмитріевичъ Чутя, обрусѣвшій сербъ, человѣкъ благороднѣйшей души и рыцарской наружности, командовалъ этимъ эскадрономъ почти до самой смерти, въ 1866 г. Во время польскаго возстанія 1863 г. онъ четыре раза водилъ его въ бой и за истребленіе двухъ бандъ, въ маѣ и октябрѣ, которыми оба раза командовалъ извѣстный Чеховскій, награжденъ золотою шашкою и чиномъ. Въ послѣднемъ дѣлѣ, подъ д. Юрковицы, у Чеховскаго было 1,300 чел. Чутя, командовавшій всѣмъ нашимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ ротъ пѣхоты и эскадрона драгунъ, взялъ Юрковицы штурмомъ. Чеховскій самъ ускакалъ,—но вся пѣхота его легла на мѣстѣ. Чутя потерялъ 103 чел. убитыми и ранеными. Рыцарь и герой въ бою, Н. Д. былъ самымъ мягкимъ и добродушнымъ человѣкомъ въ обыденной жизни, всѣми любимый и обожаемый солдатами.

К. Д.

на Александра Федоровича Багговута, бывшаго въ войну 1854—1856 гг. начальникомъ кавалеріи кавказскаго корпуса, стоявшаго въ свитѣ, съ своей знаменитой повязкой на головѣ,— славная память польской пули 1831 г.

Затѣмъ, Государь вторично подалъ руку полковнику Шульцу, который опять хотѣлъ поцѣловать ее, но Государь не допустилъ, а сердечно пожимая руку Шульца, тихо сказалъ, взволнованнымъ голосомъ:

— „Не надо, не цѣлуй. Не многіе мнѣ служатъ такъ, какъ вы служите".

Потомъ Государь обнялъ и поцѣловалъ старика намѣстника, князя Горчакова.—Новороссійцамъ приказалъ дать по рублю на человѣка.

Смотръ кончился. Поворачивая уже коня, чтобы ѣхать обратно во дворецъ, Государь указалъ рукою на Новороссійскій полкъ, еще стоявшій на мѣстѣ, и, обращаясь къ принцамъ, весело сказалъ по французски:

— „Вотъ такая, господа, у меня вся кавалерія!"

Послѣ смотра подъѣхалъ къ полковнику Шульцу одинъ изъ пріѣзжихъ генераловъ — пруссакъ, и представляясь полковнику Шульцу, выразилъ желаніе съ нимъ познакомиться. Къ сожалѣнію, полковникъ Шульцъ ни слова не говорилъ по нѣмецки.

Вечеромъ этого памятнаго дня новороссійцы забыли на время служеніе Марсу и приносили обильныя жертвы Бахусу.

Веселая Варшава, царское спасибо и молодость! Какъ тутъ не кутнуть!

Когда на слѣдующій день утромъ полковникъ Шульцъ пріѣхалъ къ генералу Коцебу просить позволенія увеличить число офицеровъ, представленныхъ къ наградамъ, генералъ встрѣтилъ его словами:

— „Ну, Шульцъ, спасибо за полкъ. Вы сдержали слово, данное намѣстнику: учились превосходно, какъ нельзя желать лучше. Полкъ хорошъ, но вы сами, Шульцъ, были лучше полка. Мы вами любовались: вы представляли полкъ, какъ будто бригадному командиру, а не Государю. Вы видѣли одинъ только полкъ и вливали въ него свое хладнокровіе, энергію и самоувѣренность. Вспомните кому и при какихъ обстоятельствахъ вы представляли полкъ!"—съ чувствомъ по-

вторилъ генералъ,—и, разумѣется, разрѣшилъ представленіе къ наградамъ [1]).

Но торжество новороссійцевъ этимъ еще не окончилось. Черезъ нѣсколько дней Государь смотрѣлъ стрѣльбу, въ которой участвовали, кромѣ новороссійцевъ и стрѣлковаго батальона, четыре пѣхотныхъ полка. Стрѣльба пѣхотныхъ частей вышла неудачною, а новороссійцамъ и тутъ повезло и ихъ мишени были облѣплены пулями.

— „Спасибо, Шульцъ!“—сказалъ Государь, отъѣзжая отъ мишеней. „Вашъ полкъ хорошъ на конѣ и пѣшкомъ, стрѣляетъ мѣтко, — увѣренъ, что онъ и драться будетъ храбро“.

Съ этими словами Государь опять подалъ руку полковнику Шульцу, и затѣмъ выставилъ мѣткость драгунскихъ выстрѣловъ въ примѣръ не только линейной пѣхотѣ, но и стрѣлковому батальону.

Однимъ новороссійцамъ изъ числа всѣхъ войскъ, участвовавшихъ въ стрѣльбѣ, объявлено было монаршее благоволеніе и пожаловано по 50 коп. на человѣка.

Такъ кончились Варшавскіе смотры. Они доставили полковнику Шульцу орденъ Краснаго Орла отъ принца-регента, а отъ Государя брильянтовый перстень и аренду на 12 лѣтъ по тысячѣ рублей. Черезъ два года, въ 1862-мъ году, онъ былъ произведенъ въ генералы, и, сдавая Новороссійскій полкъ, имѣлъ утѣшеніе слышать, что Государь, принимая новаго полковаго командира, полковника Шидловскаго, выразился такъ:

— Я даю тебѣ полкъ отличный во всѣхъ отношеніяхъ. Поѣдешь — передай мой поклонъ полку и генералу Шульцу.

---

[1]) Когда, почти годъ спустя, въ іюлѣ 1890 г., Новороссійскій полкъ, окончивъ свою караульную службу въ Варшавѣ, выступалъ опять въ мѣстечко Меджиборъ, полковникъ Щульцъ поѣхалъ откланяться къ извѣстному Варшавскому губернатору генералу Панютину. Въ разговорѣ генералъ вспомнилъ смотръ 9-го октября, который видѣлъ въ свитѣ Государя, и сказалъ:

— Я, какъ пѣхотный генералъ, не знаю вашихъ кавалерійскихъ тонкостей. Но полкъ вашъ учился тогда такъ, что меня, старика, подмывало стать передъ нимъ и повести въ дѣло.

— „Не можетъ быть отзыва болѣе лестнаго, ваше превосходительство“, отвѣтилъ Шульцъ.

— Жаль, очень жаль, что при моей старости это уже не можетъ осуществиться.

К. Д.

Не прошло послѣ этого нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ полкъ имѣлъ случай, цѣлымъ рядомъ блестящихъ дѣлъ во время возстанія 1863 г., оправдать лестный отзывъ Монарха. Между прочимъ, онъ нанесъ рѣшительный ударъ Лангевичу, котораго преслѣдовалъ даже на австрійской территоріи, что подало поводъ къ дипломатической перепискѣ.

IV.

Въ 1866 году одинъ изъ офицеровъ Новороссійскаго полка, капитанъ Потто, составилъ обширный трудъ: „Исторію Новороссійскаго полка“, который былъ напечатанъ на казенный счетъ и заслужилъ одобреніе Государя.

Вслѣдъ затѣмъ капитанъ Потто былъ прикомандированъ къ Николаевскому кавалерійскому училищу и вскорѣ переведенъ въ л.-гв. уланскій полкъ.

Въ одинъ изъ обычныхъ воскресныхъ разводовъ, когда офицеръ этотъ, парадируя съ пѣшимъ юнкерскимъ взводомъ, подошелъ къ Государю съ рапортомъ, Государь, пристально взглянувъ на него, сказалъ:

— Я видѣлъ тебя прежде въ Новороссійскомъ мундирѣ?

— „Точно такъ, В. И. В.“

— Какъ твоя фамилія?

— „Штабсъ-ротмистръ Потто“.

— Да, вѣдь это ты написалъ исторію Новороссійскаго полка. Спасибо! Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ.— А гдѣ теперь вашъ старый полковой командиръ Шульцъ?

— Онъ въ отставкѣ, за ранами, В. В.“

— Ты имѣешь о немъ какія нибудь свѣдѣнія?

— „Я съ нимъ въ постоянной перепискѣ, В. В.“

— Будешь писать, напиши ему отъ меня поклонъ.

Прошелъ еще годъ, и Государь, встрѣтивъ на разводѣ опять того же офицера, прямо обратился къ нему съ вопросомъ:

— Имѣешь-ли ты свѣдѣнія о Шульцѣ?

— „Имѣю, Ваше Величество“.

— Ну, какъ его здоровье, что онъ подѣлываетъ?

— „Курюкъ-Даринская рана препятствуетъ ему служить В. В. Онъ живетъ въ своемъ Екатеринославскомъ хуторѣ.

— Славно командовалъ онъ полкомъ. Напиши старику, что я ему кланяюсь [1]).

19-го ноября 1880 года (въ 27-ю годовщину Башъ-Кадыкъ-Ларскаго боя), покойный Государь, возвращаясь изъ Крыма въ Петербургъ, въ послѣдній разъ проѣзжалъ черезъ станцію Лозовую. Тогдашній Харьковскій генералъ-губернаторъ, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, пріѣхалъ изъ Харькова на Лозовую встрѣтить Государя. До прихода императорскаго поѣзда оставалось еще нѣсколько часовъ и генералъ Шульцъ, узнавъ заранѣе о прибытіи князя, воспользовался этимъ временемъ, чтобы навѣстить своего Нижегородскаго сослуживца и сострадальца по Курюкъ-Даринскимъ ранамъ.

Когда, уже въ вагонѣ, Государь узналъ, что князь пріѣхалъ на Лозовую шесть часовъ тому назадъ, то спросилъ не скучалъ ли, ожидая его?

— Нѣтъ, Государь, отвѣчалъ князь Дондуковъ: я встрѣтилъ здѣсь стараго сослуживца, генерала Шульца, и провелъ съ нимъ время очень пріятно.

Поѣздъ между тѣмъ тронулся.

— „Какой это Шульцъ? Не тотъ-ли, что командовалъ Новороссійскимъ драгунскимъ полкомъ?“—спросилъ государь.

— Тотъ самый.

— „А! Онъ былъ еще раненъ въ Курюкъ-Даринскомъ сраженіи пулей въ лѣвый високъ?“

— Тотъ самый.

Государь милостиво разспросилъ князя о житьѣ-бытьѣ своего стараго и вѣрнаго слуги.

Когда князь Александръ Михайловичъ передалъ генералу то особенное вниманіе, которымъ онъ былъ осчастливленъ со стороны Государя, помнившаго, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, не только его самаго, его рану, но и полкъ, ко-

---

[1]) Полковникъ В. А. Потто, бывшій начальникъ Оренбургскаго юнкерскаго училища, просматривавшій нашу рукопись, дополнилъ ее этимъ эпизодомъ. **К. Д.**

ПО 506

торымъ онъ командовалъ,—70-ти лѣтніе нервы не выдержали и онъ залился слезами.

Черезъ три мѣсяца Государя не стало.

Передавая намъ, нѣсколькимъ прежнимъ Новороссійцамъ, пріѣхавшимъ засвидѣтельствовать свое уваженіе старому отцу-командиру, разсказъ князя Дондукова, генералъ закончилъ его словами:

— „Вотъ она, моя высшая награда за службу: 9-го октября 1859 г. и 19 ноября 1880 г.,—это два лучшіе дня моей жизни. Теперь могу спокойно умереть".

V.

Прошло почти 24 года со времени описанныхъ нами смотровъ. Совершились реформы, въ то время только намѣченныя, вдвинувшія отечество наше въ семью европейскихъ народовъ и сдѣлавшія Александра II—безсмертнымъ. Затѣмъ совершились мрачныя событія, потрясшія государство, парализовавшія реформы и ихъ дальнѣйшее развитіе и кончившіяся трагическою смертью Императора, 1-го марта 1881 года. Такъ же стойко и мужественно, какъ послѣдній рядовой его славнаго Новороссійскаго полка, стоялъ онъ, нашъ обожаемый монархъ, на своемъ высокомъ посту и сошелъ съ него только истерзанный, только смертельно раненый. Благоговѣйная память о его дѣлахъ и смерти будетъ жить, пока стоитъ русское государство. И чѣмъ шире и свободнѣе будетъ развиваться въ немъ гражданская жизнь, чѣмъ скорѣе водворится „разумная свобода", возвѣщенная его благородными устами въ залахъ Кремля, передъ войной 1877 г.—тѣмъ болѣе будутъ почитаться имя и дѣла этого „величайшаго Монарха-Преобразователя" нашего вѣка.

Измѣнились и Новороссійцы, какъ измѣняется все на свѣтѣ. Изъ офицеровъ, дѣлавшихъ закавказскій походъ 1854 и 1855 годовъ, не осталось въ полку никого. Изъ бывшихъ на смотрахъ 1858—1859 годовъ, осталось 2 человѣка. Остальные: кто убитъ, кто умеръ, кто командуетъ другими частями, кто мирно доживаетъ на пенсіи свой вѣкъ, кто сталъ земледѣльцемъ. Эти послѣдніе, кажется, составляютъ большинство.

Два благороднѣйшія, человѣческія, занятія: защита отечества и обработка родной земли, какъ извѣстно, мирно уживаются и успѣшно подготовливаютъ дѣятелей одно другому. Изъ воиновъ выходятъ дѣльные хозяева, которые въ свою очередь готовятъ изъ своихъ сыновей дѣльныхъ воиновъ. Простая деревенская жизнь закаляетъ тѣло и духъ молодежи.

Но храбрый полкъ всегда останется храбрымъ полкомъ, пока въ немъ живутъ преданія славныхъ дней его прошлаго, пока благородный духъ товарищества связываетъ его офицеровъ въ прочную семью.

День 9-го октября 1859 г., безъ сомнѣнія, одинъ изъ счастливѣйшихъ дней этого прошлаго, и пока существуютъ Новороссійцы, это мирное торжество ихъ не должно забываться, не должны быть забыты милостивыя слова незабвеннаго Монарха, не долженъ быть забытъ и главный виновникъ этого торжества.

Шлю привѣтъ вамъ издалека, дорогіе однополчане новаго поколѣнія! Въ день полкового вашего праздника, наполните бокалы и осушите ихъ въ честь бывшаго вашего лихого командира, теперь уже хилаго ветерана, К. К. Шульца.

К. К. Детловъ.

Харьковъ.
5 января 1883 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА